

Роман принял зелье утром двадцать шестого дня.

Еще накануне Аквия начала беспокоиться, то оглядываясь по сторонам, то склоняя голову к плечу и прислушиваясь к чему-то с зажмуренными глазами. Казалось, она, словно кошка, ищет дорогу к дому, к единственному месту, где ждут ее тепло, свет и забота добрых хозяев. Роман не понимал, как она ориентируется в снежной пустыне; для него все направления были одинаковы. Везде - ровная белесая поверхность, слегка подсвеченная фиолетовым, по которой разбросаны отдельные ледяные надолбы и кое-где тянутся гряды торосов; везде - снег, холод, изредка встречающиеся полыньи, голодное зверье и голодные люди, да заунывный волчий вой - будто отчаянная молитва, взлетающая к багровому солнечному диску.

Вечером они достигли непреодолимого барьера: поперек равнины в обе стороны, на запад и на восток, протянулась полоса перекореженного льда. Это не были привычные торосы почти правильных геометрических очертаний, меж которыми собакам всегда удавалось найти путь. Здесь глыбы, выломанные из ледового щита, беспорядочно дыбились вверх, влево и вправо, вперед и назад во все стороны, льдины налезали друг на друга, образуя дикое нагромождение остроконечных пиков, плоских граней и заостренных ребер, сквозь которое не сумел, бы пробраться ни зверь, ни человек. Роман не понимал, как мог образоваться такой хаос. Никакая буря не в силах взломать десятифутовую корку льда, никакие ветры и штормы не способны вскрыть застывшее море, чтобы волны воздвигли этот защитный вал на дальнем рубеже Берглиона. Потом он припомнил слова Аквии о шахте, что вела в глубь земли - а, точнее, к еще неостывшим недрам планеты. Может быть, слой магмы залегал здесь близко к поверхности, и весь регион был сейсмически активен? Землетрясение средней силы, конечно, взломало бы льды над прилегающим к острову шельфом.

Аквия, увидев непроходимый барьер, против ожиданий довольно кивнула.

- Мы на правильном пути, но чуть уклонились к западу, - сообщила она. Завтра поедем на восток, там должен быть проход.

На рассвете, когда Роман выпил чашку лекарственного отвара - не менее отвратительного, чем то зелье, которому он был обязан своим волосным покровом, - Аквия протянула ему плотно закупоренный плоский флакон из толстого стекла. Там плескалось немного тягучей синеватой жидкости, похожей на очень густое растительное масло.

- Фастан, - коротко сказала женщина. - Нужно взять очень немного и тщательно растереть тряпицей - так, чтобы бальзам не попадал на пальцы. Иначе - сам понимаешь... она усмехнулась.

Роман благодарно кивнул, принял флакончик и тщательно примотал ремнем к талии. Не было никаких гарантий, что чудодейственный эликсир пропутешествует с ним обратно в родное измерение, однако уже дважды он сумел хоть что-то принести на Землю из чужих миров. Ему казалось, что здесь существовала любопытная закономерность - сравнительно небольшой предмет, находившийся в контакте с его телом в момент переноса, на котором подсознательно фокусировались его мысли, мог стать его добычей. Так было в Альбе и Кате, возможно, это повторится в Берглионе?

Впрочем, до возвращения оставался еще порядочный срок - больше месяца. Он проведет это время с пользой, исследуя тайны древнего замка вместе с милой Аквией, вполне излечившей его от тоски по Меоте. И потом - была еще та дремлющая машина. С каждым часом и каждой пройденной милей его любопытство разгоралось все сильнее.

Они двигались на восток вдоль ледового завала до полудня. Аквия по-прежнему вертела головой и прислушивалась, Роман, не выдержав, поинтересовался, как она находит дорогу.

- Мы уже близко, совсем близко... взгляд женщины скользил по сверкающим на солнце гням ледяных глыб. - Я чувствую людей Берглиона - тут... - она коснулась лба. - Слабый гул, и он все растет и растет.

- Но ты говорила, что до замка еще полдня пути, - разведчик удивленно посмотрел на нее. - Что можно ощутить с такого расстояния? И потом - когда на нас напали дикари, ты не почуяла их, хотя эта шайка подобралась к самой нашей стоянке.

- Во-первых, я спала. - Аквия виновато улыбнулась. - А во-вторых, в Берглионе живут не дикари... они думают, мыслят - и это заметно издалека. Понимаешь, жар от большого костра чувствуешь со ста шагов, а маленький незаметен даже вблизи.

Роман кивнул, эта аналогия была ему совершенно понятна.

- Когда мы придем в Берглион... - начала Аквия.

Да, когда мы придем в Берглион, мысленно откликнулся разведчик; его спутница все чаще и чаще повторяла эти слова. Когда мы придем в Берглион, мы увидим все чудеса этого мира. Мы будем любоваться многоцветьем древних тканей... наши руки коснутся темного полированного дерева, покрытого сказочной резьбой, мы вдыхнем ароматы плодов, зреющих в оранжереях, услышим музыку и старинные напевы, протяжные, веселые или печальные... узрим фантастические машины, дающие тепло и свет... и ту, дремлющую, с колпаком из блестящей проволоки и сияющих радугой камней... Когда мы придем в Берглион...

Роман шумно перевел дух; Великая Чаша Грааля уже была в его руках, и оставалось только поднести ее к устам и испить.

В ледяном валу открылся проезд. Неширокий, метров пять, но прямой, как стрела. Они двигались в этом ущелье всего минут десять, потом нарт вырвались на ровную поверхность, которая уходила к самому горизонту - туда, где темнели скалистые пики.

Камень! Твердая земля! Пусть замороженная, лишенная жизни, но прочная и надежная, основа основ, фундамент человеческого бытия. Роман даже не подозревал, как стосковался за этот месяц по камню, скалам и утесам, горам, хребтам и уходящим в поднебесье вершинам. Да что там говорить о камнях! Он с восторгом глядел на черные, бурые и серые склоны - после белесой однообразной равнины взор, отдыхая, тонул в их неярких и мрачных цветах.

До гористого острова, однако, было еще миль двадцать, и замок разглядеть не удавалось. Роман в нетерпении вцепился в шерсть на груди, стиснул - в его кулаках остались бурые клочья. Он удивленно воззрился на них, затем потер ладони - подшерсток сходил целыми полосками, обнажая чистую бледную кожу. И сразу мороз вцепился в пальцы ледяными клещами, словно поджидал этого момента целый месяц. Роман сунул кисти под мышки, прижал к бокам - тут бурые лохмы еще хранили тепло.

- Не торопись, - Аквия глядела на него со странной улыбкой. Шкуры, которые ты отнял у Харата, греют хуже твоей - Она потянулась. Знаешь, я тоже жду, когда ты освободишься от своей шерсти. Все было хорошо, мой дорогой хранитель, но я соскучилась по твоему телу... по ощущению кожи...

Да, подумал Роман, когда мы придем в Берглион, мы будем любить друг друга на мягком ложе

под резными деревянными сводами, в полумраке уютной спальни, в тепле, под надежной защитой каменных стен... И главное! - мы оба станем людьми!

Сани стрелой летели по ровной, как стол, равнине. Горы впереди понемногу росли, и вот уже на фоне темных прибрежных скал острые глаза Романа начали различать что-то алое, воздушное, ажурно-резное, устремленное ввысь подобно башням готического собора. Он удивленно посмотрел на Аквию, на ее губах блуждала мечтательная улыбка.

- Красный камень? - разведчик вытянул руку вперед, по направлению к выставшему на горизонте чуду.

Женщина кивнула.

- Красный, да... Берглион выстроен из красного камня. Говорят, его привозили издалека. Он так прочен и тверд, что твое копьё не оставило бы на нем ни царапины. Предки резали и обрабатывали его огненными лучами...

Лазером? Забывшись, Роман дернул прядь, свисавшую с уха, и чертыхнулся - она осталась в его руке, а холод сразу куснул обнаженную кожу. Он так свылся со своей шубой, что теперь вылезал из нее с неким ностальгическим сожалением - словно расставался с частицей тела, дарованной ему при рождении.

До замка было миль семь. Теперь он отчетливо видел яркую резную игрушку, приподнятую над застывшим морем на черной скале, она казалась крохотной, но даже с такого расстояния Роман мог оценить титанические размеры постройки. Прибрежный откос уходил вверх футов на триста, и замок по высоте не уступал ему. Внизу, у самого берега, на фоне темной поверхности утеса выделялась багровая полоска. Стена?

- Что там такое, у подножия скал? - он тронул Аквию за локоток Защитный форт?

- Высокая стена из гладкого камня, в четыре человеческих роста. В ней арка с воротами, дальше - внутренний двор и еще одни ворота, прямо в скале... За ними - ход, по которому можно подняться в замок. Так говорил посланец Помнящих.

Прошел еще час. Теперь Роман ясно различал стену с прорезью посередине, в ее глубине сияли, переливались желто - золотистым пятнышком створки ворот. Башни замка уходили в фиолетовое небо подобно языкам пламени, и все это воздушное, легкое сооружение напоминало окаменевший костер, разведенный на снежной равнине неведомым исполином. Вершину утеса охватывала наружная стена; над ней футов на пятьдесят выдавалось первое кольцо башен - как показалось Роману, квадратных. Затем шли круглые, тонкие, высокие и резные, словно минареты восточной мечети; они окружали центральную цитадель, увенчанную каменной короной парапета. Некоторые башни имели остроконечные кровли с блестящими шпильями, другие - плоские площадки, обнесенные каменными перилами, третьи вздымались к небу округлые серебряные купола. Роман глядел, словно зачарованный.

Внезапно на одном из шпилей взвился яркий вымпел. Видимо, их заметили; на белой равнине темная точка саней была видна издалека. Берглион приветствовал гостей! Нет, не гостей, - своих новых обитателей! Это показалось Роману добрым знаком.

- Посмотри, - он тронул Аквию за рукав мехового одеяния, протянув другую руку к замку. - Посмотри! Флаг - в честь Снежной Королевы и ее отважного воинства!

Но вместо радостного возгласа его ждал мертвый взгляд застывших глаз; лицо женщины

кривила гримаса отчаяния.

- Лучше погляди туда, милый... и туда - она кивнула налево, потом направо.

Серебристое мерцание, стремительно приближавшееся к саням. Дайр? Нет, дайры! Два! Они брали путников в клещи, и ярдов через пятьсот их след должен был пересечься со следом парт.

- Самец и самка, очень голодные, очень злые... - пробормотала Аквия. Как глупо... Они все - таки добрались до нас...

Собаки почуяли зверей и, взыв, ринулись к воротам; Роман видел, как они медленно распахнулись. Нарты летели стрелой, но дайры двигались еще быстрее.

- Они могут помочь? - разведчик кивнул в сторону приближавшегося замка, и начал натягивать панцирь, обдирая шерсть; волосы лезли с него целыми пучками.

- Вряд ли, - Аквия покачала головой. - Не думаю, что они заметили зверей... и уж во всяком случае, они не сумеют добраться вовремя.

- Я убью этих тварей! - Роман стиснул древко копья, он был уже в доспехе, откинутый назад череп ящера и топор мерно, в такт ходу саней, раскачивались за спиной.

- Одного - да... Но тебе не справиться с двумя, милый, - женщина горестно сжала руки. - Уходи! Я же знаю, что ты можешь уйти! Уходи в свой мир, а я... я приму то, что уготовили мне боги Дарсолана!

Роан, спутник и страж Аквилании, целительницы из Дома Властителей Кламстара, угрюмо усмехнулся:

- Хранители не уходят, моя королева. Хранители бьются - и умирают, если надо.

Его лицо уже очистилось от мерзких бурых клочьев; щеки украшала короткая темная борода - жесткая и колючая, но его собственная.

- Если я - справлюсь с ними, я приду. Если нет... Поцелуй меня, колдунья...

Губы Аквии были жаркими, как солнце - золотистое солнце Земли.

Роман посмотрел назад - звери мчались в пятидесяти ярдах от них, приближаясь с каждым скачком. Он приготовился прыгнуть, и вдруг, ударив себя по лбу, торопливо заговорил:

- Запомни, моя белоснежка... Та дремлющая машина, с огоньками и колпаком на черной веревке, может передать сигнал... призыв о помощи... Ты должна надеть колпак и думать - звать изо всех сил, понимаешь? Хочешь, Расскажи нашу историю... как мы встретились... и все остальное... Они поймут! Они прилетят за вами! Сделай так, как я сказал, ладно?

Она послушно кивнула. Из распахнутых ворот вылетели четыре упряжки видно, люди в замке почуяли недоброе. Роман на мгновение приник к бледно-алым губам и скатился в снег.

- Проща-ай! - его крик еще дрожал в морозном воздухе, когда клыкастая пасть молнией метнулась к горлу. Он ударил копьём в челюсть зверя, проколол язык и отпрыгнул в сторону. Ступни жгло - шерсть с них сошла почти полностью.

Дайр отпрянул, пронзительно зашипев. Он был крупным - самец, и не меньше того, которого

Роман уложил в начале путешествия. Самка припала к снегу метрах в пяти; ее глаза горели, как угли. Теперь звери не торопились, добыча была перед ними, опасная, но вполне приемлемая по размерам; такой хватит, чтобы насытить двоих. С медленной и ленивой грацией они начали обходить жертву с обеих сторон. Роман упер конец древка в плотный наст и ждал, не двигаясь.

Самка прыгнула первой. Ее тело взметнулось в воздух с непостижимой, фантастической быстротой, растопыренные когти царапнули панцирь Роман, отшвырнув его назад; падая, он услышал скрежет железа по кости и понял, что зверь напоролся на копье. Была ли рана серьезной? Стоила ли она потерянного оружия? Он вскочил, сжимая в руках топор.

Раненый дайр бился на снегу, угрожающе разевая пасть; стальной наконечник на полфута ушел в грудь чудища, попав меж панцирных пластин. Хорошо... одним меньше! Взгляд разведчика скользнул по белой равнине - от красной полосы стены, от упряжки Аквии, мчавшейся к распахнутым воротам, от спешивших к нему на помощь людей - до клыкастой пасти самца, маячившей розовым пятном на фоне снега. Продержаться бы минуту... хотя бы полминуты... С копьем в руке он не сомневался бы в победе, но топор - топор был слишком легким, чтобы с одного удара нанести смертельную рану бронированному ящеру.

Босые ноги стыли в холодной белой крупе, и Роман начал приплясывать на месте, словно боксер на необъятном ринге, раскинувшимся во все стороны под светом гигантского багрового фонаря. Он усердно уминал ступнями наст, тот становился все плотнее и глаже - и все холодней. Зверь не сводил с жертвы гипнотизирующего взгляда; подобрав задние лапы и раскрыв пасть, дайр вдруг зашипел и прыгнул.

Подняв топор, Роман ринулся навстречу, метя в горло. Возможно, его удар достиг бы цели; возможно, он бы промахнулся. Трудно сказать, как развернулись бы события, если б ноги его не заскользили по утопанному насту, и разведчик не рухнул в снег, прямо на спину. Дайр пролетел над ним как сверкающая серебристая ракета, смертоносная и стремительная; лишь кончик шипастого хвоста хлестнул Романа по ребрам, вдавливая панцирь в кожу. Он охнул, выронил топор и вдруг почувствовал, как в боку у него, у левой подмышки, словно взорвалась граната.

Доспех смягчил удар, ребра выдержали, но таившаяся под кожей капсула крохотного прибора лопнула, распалась, разлетелась вдребезги. Кажется, директива доктора выполнена дословно, подумал разведчик, корчась от нестерпимой боли. Что там говорил Максимов? Не просто нажать, а ударить изо всех сил? Сил у этой твари хватало...

В следующий миг он воспарил над ледяной равниной Берглиона, над пламенеющим замком, над нартами с копыеносцами, расходившимися полукругом, чтобы взять зверей в кольцо, над крохотным темным червячком - упряжкой Аквии, вползающей под высокую арку ворот. С невероятной высоты своего полета Роан, страж, хранитель и спутник Снежной Королевы, разглядел ее запрокинутое к небу лицо с печальной улыбкой прощания. Он ринулся к ней, чтобы поцелуем стереть грусть с ее губ, но безбрежное белесое поле вдруг расступилось перед ним, распласталось туманной мглой, поглотило звуки и краски, тепло и холод, мысль и чувство. Он падал в тумане года, десятилетия, века - неисчислимое время, притянувшееся от первого Дня Творения до Страшного Суда; но, стоило лишь грянуть его громовым трубам, как Роман Гилев был отпущен туда, где ему полагалось встретить Судный День - домой, на Землю.